

Каноны

Будучи подозрительно настроены к попыткам извне описать анархистские политические убеждения, сами анархисты выпустили значительный объем литературы, преследующей именно эту цель. Важной мотивацией при этом стало стремление развеять популярные заблуждения и показать несоответствие расхожих стереотипов реальному положению дел. Оспаривая критические оценки, анархисты также усложнили категории, использованные интерпретаторами для классификации анархизма, и скорректировали евроцентристский перекос большинства исторических исследований на эту тему.

Если анархисты выделяли в своих рядах кого-то как выдающегося человека, они, как правило, ссылались на его исключительные заслуги и необыкновенную приверженность общему делу. В этих оценках важную роль играла биография. Первые последователи Бакунина заостряли внимание на его заточении Николаем I в тюрьму, драматичном побеге из сибирской ссылки и неизменной преданности делу революции. Бакунина представляли скорее не как человека, а как явление. «Перенесенные им испытания и пережитые страдания, — писал Генри Сеймур, — заставили бы большинство людей смириться, но наш герой — не кто-нибудь, а Бакунин!.. Едва ступив на землю Англии, он удвоил свой энтузиазм в деле социальной революции»[51]. Истории из жизни персоналий иллюстрировали анархистские ценности и добродетели. Если в Бакунине людей восхищали сила духа и кипучая энергия, то Луизу Мишель анархисты ценили за дерзкий отказ отречься от участия в Коммуне или хотя бы оправдаться. Взяв на себя полную ответственность за свои мятежные действия, в ответ она предложила обвинителям казнить ее. Впечатленные мужеством этой женщины, 10 тыс. человек приветствовали ее возвращение в Париж в 1881 году, после амнистии участников Коммуны. В статье об Эррико Малатесте от 1912 года, когда его депортировали из Великобритании, особенно подчеркивается его сострадательность, воплощающая анархистскую этику. Жители «бедных итальянских кварталов в Ислингтон и Сохо, — говорится в статье, — не знакомы с его политическими убеждениями, да они их особо и не волнуют. Эти люди знают его как человека, который отдаст последний пенни, чтобы помочь попавшим в беду соотечественникам, и который уберет сотни мальчишек от стези хулигана, обучив их полезным ремеслам в своей маленькой механической мастерской на Уиндмилл-стрит»[52]. Рудольф Рокер, одна из виднейших фигур, которой явно недостает в списке Эльцбахера, был отмечен как организатор профсоюзного движения, самостоятельно выучивший идиш, чтобы работать с самыми обездоленными еврейскими рабочими в лондонском Ист-Энде. Эмма Гольдман, одна из наиболее выдающихся женщин-анархистов Америки, тоже не представлена в вышеприведенных списках. Она заслужила репутацию неутомимого и бескомпромиссного борца за свободу слова, права женщин и прекращение репрессий со стороны правительства, бесстрашно защищала обвиняемых в насильственных действиях активистов и пользовалась их большим уважением.

Хотя эти «знаменитости» находились в основном в Европе и Америке, их деятельность не ограничивалась этими географическими рамками. Коллективно отвечая за издание политических трактатов, эссе, беллетристики и поэзии, многие из них также занимались выпуском периодических изданий: *Arbeter Fraynd* (Покер), *Associazione* (Малатеста), *Freedom* (Кропоткин), *La Questione Sociale* (Малатеста), *Le Révolté / La Révolte* (Кропоткин/Грав), *Liberty* (Такер), *Mother Earth* (Гольдман). И это лишь верхушка айсберга[53]. Обширная программа публикаций вкупе с глобальной инфраструктурой распространения и возможностью оперативно переводить оригинальные произведения на разные языки обеспечила авторам выход на широкую международную аудиторию. Труды Кропоткина были переведены не только практически на все европейские, но и на японский и китайский языки[54]. Его работы регулярно публиковались в отдельной серии, на них выходили рецензии в неанархистских журналах о культуре, а также в анархистских и рабочих газетах от Лондона до Крайстчерча в Новой Зеландии.

Следуя путями миграции, когда добровольной, а когда и вынужденной, группы анархистов-эмигрантов создавали клубы и общества, которые, даже будучи изолированными, становились центрами сложной сети транзитных и контрабандных маршрутов для доставки книг и брошюр. Личные встречи, случайные знакомства и дружба также способствовали широкому распространению идей. Регулярно отправляясь в дальние лекционные туры, анархисты приносили свои политические убеждения в новые места. Чтобы исправить распространенные заблуждения и мобилизовать поддержку анархистских инициатив, они публиковались в журналах, ориентированных на рабочих и интеллигенцию. Классикой в этом смысле стали тексты Малатесты («Среди фермеров» (*Fra Contadini*)), Кропоткина («Воззвание к молодежи») и Толстого («Рабство нашего времени»). Историк китайского анархизма Ариф Дирлик отмечает, что «Воззвание к молодежи» Кропоткина привело к «обращению... многих молодых [китайских] радикалов в анархизм»[55] в первых десятилетиях XX века. Рикардо Флорес Магон считал «Хлеб и волю» Кропоткина «своего рода анархистской библией». Эта работа вдохновила его самого на участие в организации коммун в Мехикали и Тихуане во время революции 1911 года в Нижней Калифорнии[56].

Подход анархистов к истории своего движения также ослаблял анархический евроцентризм. Кропоткин считал, что анархизм — это политика народа, а движения, возникшие в XIX веке, представляют собой всего лишь современные проявления той политики, которую можно обнаружить в любом уголке мира и в любом историческом периоде. Анархическая мысль, утверждал он, появилась задолго до выхода книги Прудона «Что такое собственность?» и возникновения европейских анархистских движений в 1870-х годах. Отстаивая свою позицию, Кропоткин отвел центральную роль в анархизме принципам индивидуального суверенитета и сопротивления. Эти принципы, согласно его утверждениям, явственно прослеживались еще в Древней Греции и Китае. Их носители не были анархистами, но они придерживались политики, которую сегодня разделяют анархисты. Рассматривая анархизм как сопротивление вертикальной иерархической структуре, Кропоткин приводит примеры анархистских движений в раннем христианстве и буддизме.

В представлении Кропоткина, анархия подразумевает оспаривание норм и эксперименты с новыми формами мышления, выражения и коммуникации, подрывающими устоявшиеся иерархии. Она присутствует во всех сферах человеческой деятельности: культурной,

социальной и политической. Таким образом, анархия, наряду с экономикой, охватывает индивидуальные и коллективные действия в искусстве, литературе и науке, но при этом не является приоритетно связанной с чем-то одним из перечисленного.

Рудольф Рокер позаимствовал концепцию Кропоткина о вневременном всеобщем сопротивлении, чтобы создать эволюционную историю Европы, начиная с Французской революции, и описать развитие анархизма в среде отраслевых профсоюзов и синдикалистского движения конца XIX — начала XX века. Вольтарина де Клер, писательница и педагог, работавшая в Филадельфии, применила другой подход и проследила связь анархизма с революционным республиканизмом, возродив некоторые темы, поднятые анархистами Хеймаркета. Так, если Рокер исследовал, каким образом анархические идеи подхватывались массовыми низовыми движениями, то де Клер изучала влияние на анархизм культурных контекстов. В разных местах анархизм проявлялся по-разному. Например, в Америке он уходил корнями в местные традиции — движение сопротивления тирании и милитаризму за свободу и независимость.

Эти различия в точках зрения, разнообразие историй и альтернативные суждения об анархистских принципах помогли сохранить определение анархизма открытым. История МТР навсегда связала анархистов с защитой децентрализованной федерации как средства самоосвобождения. Эта позиция, носившая общий характер, конкретизировалась в критике преобладающих религиозных, автократических, либеральных, республиканских и социалистических доктрин. В отдельно взятых географических регионах она проявлялась по-разному и была обусловлена тем, как анархисты реагировали на возникающие перед ними препятствия. В последнее время все больше внимания уделяется давно забытым историям, которые лишь подтверждают, что анархизм выходил далеко за рамки деятельности горстки активистов в Западной Европе и с самого начала был транснациональным явлением[57]. Историки, исследующие неевропейские идейные концепции, также утверждают, что можно говорить об анархизме среди коренного населения в тех регионах мира, до которых европейские анархисты XIX века добраться так и не смогли[58]. С одной стороны, анархизм привлекал в свои ряды людей с очень четкими, порой шаблонными представлениями о политике и принципах. Шарль Малато отмечал, что «рабочий-философ» Жан Грав, редактор культовой франкоязычной газеты *La Révolte*, «крайним догматизмом своих суждений... способен вывести из себя»[59]. С другой стороны, анархизм привлекал активистов, не заинтересованных в формулировке идеологических позиций. Вместе они создали обширный массив литературы, которая, однако, не являлась теорией. Не было ни партии, ни согласованной политики, ни философского канона. Ни богов, ни господ — только обилие лидеров, идей, предложений и инициатив.

Версия #1

Зверобой создал 11 апреля 2025 14:01:41

Зверобой обновил 11 апреля 2025 14:18:44